

Сов. Россия, 1983, Лект.

Николай РЫЖОВ

От начала актерского рода

«Театр в мою жизнь не вошел — это я вошел в жизнь, наполненную чтением пьес, разучиванием ролей, посещениями писателей и актеров, которые бывали у нас почти ежедневно» — эти слова известного актера Малого театра Николая Ивановича Рыжова не удивят театралов старшего поколения, которые помнят на

сцене его мать, талантливейшую характерную актрису Варвару Николаевну Рыжову (урожденную Музила), а может быть, и отца, Ивана Андреевича Рыжова (он умер в 1932 году) и слышали восторженные отзывы об игре родителей Варвары Николаевны — знаменитых Николая Егизовича Музила и Варвары Пет-

ровны Бороздиной. Сегодня мы публикуем с небольшими сокращениями отрывок из документальной повести Н. И. Рыжова о своей театральной династии (она выходит в издательстве ВТО), в которой рассказывается о Варваре Васильевне Бороздиной, положившей начало творческому роду.

РАССКАЗ мне придется начать издали, потому что принадлежим мы к старинному русскому роду-племени, который служит русскому искусству без малого полтора столетия — 135 лет, и все в одном театре — в Доме Островского, в Малом. Были у нас в роду актеры разных зпмлау и, наверное, разной степени оларенности, а уж что у всех было одинаковым — это преданность, безграничная, безыскусная преданность своему делу и своему театру.

Родоначальницей нашей актерской династии надо считать мою прабабушку, бабушку моей мамы, Варвару Васильевну Бороздину.

Признаться, о семье моей прабабушки мы, ее потомки, знаем мало. Но были Бороздины коренными москвичами. Многие говорят об этом, и прежде всего, так сказать, профессиональные занятия родителей прабабушки. Занимались они истинно русским ремеслом: у матери Варвары Васильевны имелось, как говорили тогда, «золотойшейное заведение» — двумя словами, небольшая мастерская, где шили (скал по-современному — выпинали) золотом и серебром по бархату и шелку. В нашей довольно большой коллекции семейных реликвий кое-что из продукции заведения сохранилось до сих пор. Вероятно краким мы старинный женский головной убор, что-то вроде большого кокошника красного бархата, искусно расшитого золотом. В юности мама моя, Варвара Николаевна Рыжова, играла в нем, кажется, Ульяну в «Боянаде» Островского.

И все-таки, несмотря на скудость сведений о семье Бороздиных, кое-что мне удалось установить, отнюдь не прибегая к специальному сбору архивных или иных исторических документов.

Как выбирала свою профессию Варя Бороздина, почему она оказалась в театральном училище, сказать не могу — чего не знаю, того не знаю. Но случайным этот выбор не был: актрисой стала и младшая сестра прабабушки Евгения Бороздина. Сестры были погодками, и по старшинству Варю называли Бороздиной 1-й, а Женю — Бороздиной 2-й. Обе пользовались большим успехом как драматические актрисы, а Евгению Васильевну природа одарила к тому же великолепным голосом, настоящим озерным, так что она села и в Большой театр.

Варвара Васильевна Бороздина — почти ровесница Малого театра. Она родилась в 1828 году, а датой основания театра считают 1824-й. Еще воспитанницей театрального училища появилась в В. В. Бороздина на его сцене. Это произошло весной 1846 года. В бенефисе очень известного в то время актера Малого театра трагика Л. А. Леонидова давали пьесу «Охотник в раскутье», и в главной роли цыганки на сцену вышла моя всезнающая прабабушка Варвара Васильевна, очаровавшая публику своей легкой, непринужденной игрой.

Прошло еще два года, театральная школа осталась позади. Служба в Малом театре заслоняла жизнь сестер Бороздиных, стала их жизнью. Поначалу сестры выступали в водевилях — в 1848 году обе играли в «Бабушкиных полугазах» Н. И. Хмельницкого. Успех был огромным. Оно и понятно: очаровательная внешность, чистые голоса, свежая, искривляющая манера игры, неподдельная веселость, легкость и наивность в танцах. Но тогдашнюю публику только этим удивить было трудно: сестры Бороздины играли в комедиях вместе с великим Щепкиным, а в водевилях их партнером бывала не кто-нибудь, а блистательный Живкина и другие знаменитости.

У нас в столовой, в простенке между входной дверью и левым углом, когда-то висели столетие, высотой метра в два с половиной, старинные ипольные часы в футляре красного дерева. Я помню их с самого раннего детства, еще на старой квартире, когда они казались сказочным домом, в котором живет старый полтебник, ведущий счет времени. Он казался из стороны в сторону громадным медным маятником, подтверждающим, что все правильно. Все в порядке: «Так-так, так-так», и каждые четверть часа била в большой колокол: «Вот-м-м!»

Несмотря на густой медный бас часов, я со временем настолько привыкла к нему, что нередко, занимаясь своим делом, просто не слышала, не замечала его. Но в один из вечеров, сидая за чайным столом и глядя на маму, которая явно случилась бой в даже кивала головой после каждого удара, и я вдруг начал тоже слышать, забыв о стакане с чаем, который держала в руке. И такой старинной повестью от этого действительно почти колокольного звона, что я несколько не удивилась, когда мама вдруг, без всякой связи с предыдущим разговором, сказала:

— А ведь этот самый бой, Колюша, слышала Михаил Семенович Щепкин, когда бывал в доме моей бабушки!

В другой раз, когда я наливая себе в кофе сливки из маленького серебряного сливочника с изящной ручкой слоновой кости и едва не уронила его, мама сказала:

— Побереги, сынок, сливочник-то. Его, небось, сам Щепкин не раз в руках держал. — Потом, помолдав, добавила:

— А уж как мне жаль, что клавиш не сберегли. Уж про него точно знаю, что слушала его сам Михаил Семенович.

Клавиш этот тоже, как и часы, красного дерева, я хорошо помню: и его длинное, узкое тело, и своеобразный дребезжащий звук, и помешательство накрустации из слоновой кости на крышке. Он исчез из нашего дома в самые первые послереволюционные годы, при каких обстоятельствах — совершенно не помню. А сливочник и сейчас стоит в буфете, и внутри тыльной, изящной выньетки отчетливо значится дата: 1835 год.

Я заговаривал о Щепкине с тем, чтобы подчеркнуть, что если актриса В. В. Бороздина, играя рядом, вместе со Щепкиным имела большой успех, значит, талантом она обладала несомненным. Великая Федотова, например, рассказывает, что ей нелегко давалась бытовая сторона образа Катерины в драме А. Н. Островского «Гроза». На репетициях мне все помогали: и Прох Михайлович Садовский, и Павел Васильевич Васильев, и Н. В. Рыкалова, и знаменитая Варвара Васильевна Бороздина. Александр Николаевич Островский относился к Варваре Васильевне Бороздиной не просто дружелюбно, с глубокой человеческой симпатией, но и очень ценил ее таланты, огорчался, что в тогдашнем репертуаре Малого театра не было достаточно интересных для нее ролей. Известно, например, что, работая над драмой «Гроза», Островский писал роль Варвары специально для Бороздиной 1-й и даже назвал эту героиню ее именем.

Глядя на портрет Варвары Васильевны, безупречный овал лица, на не очень правильный, во всяком случае не точечный, нос, на хотя и крупные, но глубоководные посаженные глаза, я подумал, что красивейшей-то она в сущности не была. А во всех мемуарах, в свидетельствах тех, кто видел ее на сцене, получается, что была Варвара Васильевна девушкой очаровательной, пленительной внешности. Вот я и думаю: как же это так? И ответ напрашивается один: талант, и нечто другое, делающее актрису красивой. Собственно, открывая тут много и нет: история театра знает немало случаев, когда великие актрисы, отнюдь не обладавшие красотой, играли неотразимых красавиц и были ими для зрителей. Взять хотя бы Сару Вернер, которая, выступая в роли классического репертура, в пьесах Расина, Шекспира, Гюго, Сару, Копле, Ростова, заставляла забыть о своей внешности и в шестьдесят была так же молода и прекрасна, как в тридцать.

Варвара Васильевна Бороздина вышла замуж за человека, тоже очень тесно связанного с театром и преданно служившего искусству, Павла, актером он не был. Мамин дед Пьер Пино, француз по происхождению, служил с сороковых годов в Большом театре и был очень талантливым механиком. Должностные преледа моего назывались «главный машинист сцены». Надо сказать, что был Пьер Пино изобретателем и новатором в полном смысле этого современного слова. Он первым сконструировал «аставку» для сцены, который позволял использовать для игры несколько упрощен и плоскостей, а не одну, как это было раньше. Он же изобрел машины, с помощью которых в балетных спектаклях феи, а иногда и герои летали над сценой по воздушку, вызывая восторг публики.

Как-то недавно мне совершенно случайно попал в руки какой-то современный книжка. Начал читать, и внимание привлекла фраза: «Его генеалогическое древо было высоким и гладким, как телеграфный столб». Я задержался на ней глазами, потому что уже работал в это время над своей книгой о матери, обо всей нашей семье и много думал о собственном древе. У нашего генеалогического древа и ствола могучий, и сумевший богатырь, а кроны пышная. Но начало всему — корень. Корень, напитававший соком своего таланта членов нашей семьи, в общей сложности протравившей на сцене Малого театра ям много ни мало, а 420 лет. И все мы это понимаем, относимся к памяти своих предков с глубоким уважением, гордимся ими.